

История и теория политики

УДК-32

DOI: 10.17072/2218-1067-2022-1-5-13

КОММЕМОРАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В КАРЕЛИИ: В ПОИСКАХ МЕСТА В «БОЛЬШОЙ» ИСТОРИИ»

Е. Ю. Цумарова, В. В. Волохова

Цумарова Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительных политических исследований,

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: tsumarova@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9960-4119. ResearcherID: N-4998-2018).

Волохова Валентина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,

Петрозаводский государственный университет, Россия, Петрозаводск.

E-mail: vavolokhova@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-5486-7740. ResearcherID: AAI-9392-2021).

Аннотация

Дан анализ стратегий коммеморации Великой Отечественной войны в Карелии. Политика памяти в регионах рассматривается как «игра на двух уровнях»: внутри региона, где происходит взаимодействие разных мнемонических акторов в процессе формирования доминирующего нарратива, и вовне – на котором региональный нарратив соотносится с общефедеральными практиками и интерпретациями. Анализируется то, каким образом особый опыт Карелии, связанный, прежде всего, с наличием другого противника – финнов, осмысляется в публичном пространстве республики. Эмпирической основой исследования выступили архивные материалы, публикации в республиканских СМИ и структурированные интервью с основными акторами политики памяти в Карелии. Исследование показало, что в Карелии существует фрагментированный режим памяти о войне. Доминирующая стратегия коммеморации направлена на закрепление в публичном дискурсе региона героического нарратива, рассказывающего историю войны на территории Карелии как череду событий, внесших важный вклад в достижение общей Победы. Носителями этого нарратива являются прежде всего представители ветеранских и поисковых организаций, которые пользуются поддержкой региональных органов власти. Альтернативная стратегия фокусируется на коммеморации действовавшего в Карелии оккупационного режима. Основным актором, борющимся за продвижение этого нарратива, являются бывшие узники финских концлагерей; подобной же стратегии придерживаются и представители архивного, музейного и научного сообществ. Однако недостаток у этих акторов символических и коммуникативных ресурсов не позволяет в полной мере составлять конкуренцию доминирующей стратегии коммеморации.

Ключевые слова: политика памяти; коммеморация; Карелия; Великая Отечественная война; нарративы.

Победа в Великой Отечественной войне уже давно стала играть роль нового «мифа основания» российского государства. Являясь самым народным, самым понятным и личным праздником, День Победы консолидирует, сплачивает российское общество. Вокруг него выстраиваются основные нарративы и практики коммеморации (См., например, Габолич, 2020). Между тем память о великой Победе не является однородной на территории страны. Во многих регионах сегодняшней России общефедеральный нарратив дополняется региональными практиками и интерпретациями, связанными с особенностями военного времени. Так, в частности, осмысление опыта Великой Отечественной войны в Карелии связано не только с наличием особого противника – финнов, но и с начавшимся уже

в первые годы после войны сближением СССР и Финляндии¹. Региональное сотрудничество Карелии и Финляндии играло важную роль в советско-финляндских отношениях второй половины 1940-х – середины 1980-х гг. и не утрачивает свое значение до сих пор.

Данная статья посвящена анализу практик коммеморации Великой Отечественной войны в Карелии. Нас интересует то, какие акторы участвуют в создании, поддержании и воспроизводстве нарратива(-ов) о войне и какие стратегии коммеморации они используют. Основной вопрос статьи сформулирован следующим образом: как особый опыт Карелии в Великой Отечественной войне осмысливается и закрепляется в коммеморативных практиках?

Политику памяти мы понимаем как всю сферу «публичных стратегий в отношении прошлого», включающую практики коммеморации и преподавания истории (Миллер, 2013: 114). Содержание политики памяти отражает существующий в тот или иной момент времени характер взаимодействия мнемонических акторов, которые используют имеющиеся у них символические ресурсы для утверждения своего представления об истории в качестве доминирующего. Как отмечает О. Малинова, коммеморация представляет собой «процесс отбора того, что надлежит вспоминать, и что – предавать забвению». При этом «в зависимости от контекста «вспоминаемое» событие может рассматриваться как повод для торжества и/или коллективной скорби» (Малинова, 2018: 13).

Политика памяти в регионах обладает рядом специфических черт, связанных со статусом региональных сообществ как составных частей государства. ИмPLICITным актором политики памяти в регионах всегда является центральная власть, задающая «правила коммеморации» и ограничивающая возможности для интерпретаций событий прошлого и их продвижения в публичном пространстве региона. Другими словами, перед региональными мнемоническими акторами возникает сложная задача комбинирования / встраивания регионального исторического нарратива в общегосударственный. Региональные акторы могут либо полностью воспроизводить государственный исторический нарратив, либо видоизменять его, апеллируя к особенностям событий на территории региона. Отталкиваясь от переработанной метафоры Р. Патнэма², можно утверждать, что политика памяти в регионах (как и политика идентичности) является игрой на двух уровнях (Гельман и Попова, 2003). Региональные мнемонические акторы действуют одновременно и внутри региона, конструируя доминирующий исторический нарратив, и вовне – соотнося региональный нарратив с общенациональным. Таким образом, формирование того или иного режима памяти (Малинова, 2020) в регионе зависит не только от распределения среди региональных мнемонических акторов символических и коммуникативных ресурсов, но и от позиции государства.

В рамках исследования мы попытались выявить сложившиеся в Карелии стратегии коммеморации Великой Отечественной войны, опираясь, с одной стороны, на анализ трансформации мемориального пространства, а с другой – на анализ существующих нарративов. Изначально мы фокусировались именно на материальном воплощении памяти о войне в республике. Это позволило выявить основные мнемонические акторы, а также официальное представление о войне путем анализа выступлений политических деятелей Карелии на праздничных и памятных мероприятиях. Основными источниками данных на этом этапе стали архивные документы, публикации в средствах массовой информации, посвященные обсуждению событий Великой Отечественной войны в Карелии, установлению новых памятников и/или созданию новых мест памяти.

На следующем этапе были проведены полуструктурированные интервью с основными акторами политики памяти в республике (N=13). Гайд включал в себя вопросы, связанные с общим восприятием событий войны на территории Карелии и оценкой существующих практик коммеморации. При этом в вопросах интервью мы спрашивали информантов о войне, не уточняя ее хронологические рамки. Это позволило понять, встраиваются ли события в Карелии в историю только Великой Отечественной войны, или рассматриваются как часть более масштабной Второй мировой. На основе анализа интервью мы выделили основные элементы «военного нарратива», разделяемого разными акторами политики памяти. Интервью проводились в Петрозаводске летом 2021 г.

Структура статьи в целом соответствует логике исследования. Вначале мы опишем основные этапы формирования мемориального пространства в Карелии, а затем представим результаты анализа существующих нарративов. В заключении приведены основные выводы исследования.

¹ Основой советско-финляндских отношений стал «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией», подписанный в 1948 г. Он сформировал особые взаимоотношения двух стран, которые во внешней политике Финляндии стали называться «линией Пааскиви-Кекконена» (по фамилиям президентов Финляндии, проводивших курс на сближение с СССР).

² См. определение политики идентичности, предложенное В. Гельманом и Е. Поповой (Гельман и Попова, 2003):

Мемориальное пространство Карелии: рассказ о подвигах и славе

Выстраивание монументального образа Великой Отечественной войны началось на территории Карелии еще до Победы. В 1944 г. была образована Комиссия по созданию и охране памятников Великой Отечественной войны и увековечению памяти героев, павших в боях за родину, при Совете Народных Комиссаров Карело-Финской ССР. Постановления комиссии ярко свидетельствуют о стремлении ее участников рассматривать прошедшие события как часть борьбы всего советского народа с общим врагом без акцента на особенностях войны на территории республики¹.

В конце 1960-х гг. начался процесс масштабного увековечения памяти героев Великой Отечественной войны. Если ранее памятники чаще всего устанавливались на братских могилах, то теперь все больше новых мемориалов появлялось на улицах советских городов. Главным военным мемориалом республики стал открытый в 1969 г. в Петрозаводске мемориал Вечный огонь с Могилой Неизвестного солдата. И церемония открытия, и символическое решение памятника перекликались с мемориалом у Кремлевской стены в Москве, в очередной раз вписывая историю участия в войне жителей Карелии в общесоюзный рассказ о победе над нацистской Германией.

В то же время, стороной обходилась тема финского оккупационного режима на территории Советской Карелии. В условиях успешно развивавшихся советско-финляндских отношений обе стороны старались не затрагивать сложные и болезненные вопросы советско-финляндской истории (Веригин, 2020: 20). В результате «немецко-финские оккупанты», фигурировавшие в официальных речах и документах в первые послевоенные годы², превратились в «фашистских захватчиков»³.

В 1970–1980-е гг. история войны в Карелии нашла свое отражение и в научных публикациях (см., например, Морозов, 1983), и в статьях в праздничных номерах республиканских газет, и в учебных пособиях для школьников, и на вновь открываемых памятниках и в музейных экспозициях. Описание военных событий происходило в контексте уже сложившегося общесоюзного нарратива: героизм на фронте (с акцентом на историю освобождения Карелии в ходе Свирско-Петрозаводской операции), сопротивление партизан и подпольщиков на оккупированной территории, трудовой героизм в тылу.

Новый этап в увековечении памяти о Великой Отечественной войне наступил во второй половине 1990-х гг. В это время под влиянием федерального правительства День Победы обрел прежний масштаб, была возрождена традиция парадов с военной техникой, призванных продемонстрировать мощь государства. С этого периода начинается следующая волна открытия военных памятников. Здесь были представлены события и военные деятели общесоюзного масштаба. Например, в 2000 г. в Петрозаводске был открыт памятник маршалу Г. К. Жукову и оформлена площадь его имени. Однако особое внимание с этого времени и до наших дней уделяется событиям и героям Карельского фронта. Важную роль в создании новых мемориалов играли ветеранские организации, поддерживаемые властью. Среди множества памятников самым масштабным стал открытый в 2003 г. и существенно расширенный и дополненный в 2015 г. Мемориальный комплекс в честь воинов Карельского фронта, партизан и подпольщиков Карелии (Аллея Памяти и Славы).

Новацией 1990-х гг. стала установка памятных знаков на местах гибели финских солдат. Инициатором здесь выступала финская сторона, на деньги финляндских общественных объединений, как правило, эти памятные знаки и сооружались. Знаком примирения стал и сохранявшийся в официальной риторике отказ от указания на национальную принадлежность противника, воевавшего на Карельском фронте. Например, в 2004 г. была учреждена памятная медаль «60 лет со дня освобождения Карелии от фашистской оккупации»⁴, в 2009 г. был установлен День освобождения Карелии от фашистских захватчиков (30 сентября)⁵.

¹ Постановление республиканской комиссии по созданию и охране памятников Отечественной войны и увековечению памяти героев, погибших в боях за Советскую Родину. 1 дек. 1944 г., *Национальный архив Республики Карелия*. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 43/452. Л. 71-74.

² См., например, НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 43/452. Л. 71-74. Постановление республиканской комиссии по созданию и охране памятников Отечественной войны и увековечению памяти героев, погибших в боях за Советскую Родину. 1 дек. 1944 г.

³ См., например, НА РК. Ф. П-3. Оп. 25. Д. 42. Л. 19-20. Протокол заседания Бюро Карельского Обкома КПСС от 20 нояб. 1974 г.

⁴ О памятной сувенирной медали «60 лет со дня освобождения Карелии от фашистской оккупации»: Указ Главы Республики Карелия от 9 июня 2004 г. № 50.

⁵ Об установлении Дня освобождения Карелии от фашистских захватчиков: Закон от 23 июня 2009 г. № 1306-ЗРК.

В то же время именно с 1990-х гг. началось более активное изучение истории оккупации части Карелии финскими войсками. В выходивших в это время публикациях находило отражение положение и тех, кто оказался в концентрационных или трудовых лагерях (это, прежде всего, русское население края), и тех, кто был отнесен финскими властями к «родственному» населению и оказался в более благоприятном положении (См., например, Голубев и Осипов, 2007). Однако постепенно ключевую роль в сохранении памяти об оккупации стала играть созданная в 1989 г. региональная общественная организация «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей». Получив возможность после долгого вынужденного молчания озвучить свои воспоминания о войне, члены Союза подвергли сомнению и даже осуждению тех, кто, по их мнению, пытался в своих рассказах смягчить жестокость оккупационного режима (Голубев, 2010)¹. Лейтмотивом воспоминаний об оккупации членов Союза стала мысль о том, что условия содержания в финских концлагерях были хуже, чем в нацистских. Дискуссии о характере оккупационного режима были очень эмоциональными, так как затрагивали не только болевые точки памяти, но и непростое положение переживших заключение в финских концлагерях. Их попытки получить компенсацию от финской стороны не увенчались успехом, а материальная поддержка, предоставляемая в России, оказалась минимальной. При этом работа Карельского союза бывших малолетних узников фашистских концлагерей по увековечению памяти погибших в лагерях не встретила достаточной поддержки со стороны региональных властей. Средства на установку памятных знаков на местах бывших лагерей члены Союза собирали самостоятельно. Главные коммеморативные мероприятия у этих мемориалов также проходили по инициативе не власти, а общественных организаций в Международный день освобождения узников фашизма. В результате тема страданий населения Карелии, становясь частью общей истории гибели мирных граждан в годы Второй мировой войны, как бы отделялась от истории участия Карелии в Великой Отечественной войне.

Однако в последние годы ситуация стала очевидно меняться. В 2017 г. на Петрозаводском кладбище «Пески», где находятся могилы советских граждан, умерших в годы оккупации, был открыт новый мемориал, посвященный узникам финских концлагерей, символически воплощающий тему страдания. Памятник был возведен на средства А. Ю. Молчанова и Г. Н. Морозова – правнуков А. Д. Романова, трагически погибшего в заключении в концлагере. Федеральный проект «Без срока давности» вновь привлек внимание к характеру оккупационного режима на территории Карелии. Идея, заложенная в памятнике на кладбище «Пески», оказалась созвучна новой риторике представителей республиканской власти, поддерживавших федеральный нарратив о страданиях мирного населения. Именно о необходимости помнить «о невинных жертвах, которые погибли, которые были замучены в фашистских концлагерях»² говорил, выступая в апреле 2021 г. перед ветеранами и бывшими узниками финских концлагерей, спикер Законодательного собрания Карелии Элиссан Шандалович. Сегодня история оккупации Карелии – это, прежде всего, история гибели мирного русского населения, осмысливаемая в рамках истории подвига. «Для нас важно говорить не только о героизме воинов, но и героизме мирного населения, которое точно так же сражалось за свою жизнь и свою Родину за колючей проволокой», – подчеркивала в одном из интервью Наталья Абрамова – автор проекта создания музея-реконструкции финского концлагеря в одном из районов Карелии³.

Кульминацией описания героического военного прошлого стала установка в 2020 г. в Петрозаводске стелы «Город воинской славы», барельефы которой описывают историю военных подвигов петрозаводчан от эпохи Петра I до победы в Великой Отечественной войне. Предложение о присвоении городу Петрозаводску почётного звания Город воинской славы впервые было озвучено в 2006 г. Однако почти 10 лет ушло на обоснование права города его получить. Особую роль здесь сыграли поисковики, чья деятельность в последние годы получает поддержку и со стороны федеральных, и со стороны республиканских властей. В горячих дискуссиях с теми, кто подверг сомнению обоснованность присвоения городу почетного звания, поисковики сосредоточились на создании образа героических защитников города в 1941 г. Новые мемориалы, открытые в результате проведенных поисковыми работ на местах боев 1941 г., получили общее название «Рубежи обороны Петрозаводска». Символично и название одного из мемориалов – Курган Славы.

¹ Нюппиева, К. (2005) 'Нас жарили в бане и травили известью', *Курьер Карелии*. 14 февр.; Возмутительная ложь, Там же.

² 'Память жертв концлагерей почтили в Петрозаводске' (2021), *Информационное агентство «Республика»*, 12 апр. URL: <http://rk.karelia.ru/politics/pamyat-zhertv-kontslagerej-pochtili-v-petrozavodske/> (дата обращения: 03.11.2021).

³ Тур, Э. (2020) 'Музей за колючей проволокой: как выглядит изнутри реконструкция финского концлагеря в Карелии', *Информационное агентство «Республика»*, 10 дек. URL: <http://rk.karelia.ru/social/muzej-za-kolyuchej-provolokoj-kak-vyglyadit-iznutri-rekonstruktsiya-finskogo-kontslagerya-v-karelii/> (дата обращения: 03.11.2021).

Тема героизма стала ключевой и в открытом в 2020 г. Музее Карельского фронта. Он находится в г. Беломорске, где с декабря 1941 г. по ноябрь 1944 г. располагался штаб Карельского фронта. Создать музей, посвященный истории Карельского фронта, в 2017 г. предложил Совет ветеранов Карелии. Эту идею поддержала Государственная комиссия по подготовке к 100-летию республики. Одобрил инициативу и президент Российской Федерации Владимир Путин. Создатели музея неоднократно подчеркивали его уникальность: «Это единственный в России музей, который рассказывает о конкретном фронте»¹. Открытие музея стало знаком признания особой роли Карельского фронта в Великой Отечественной войне.

Таким образом, анализ трансформации мемориального пространства Карелии продемонстрировал расширение как числа мнемонических акторов, так и ключевых тем для коммеморации. Если в советское время история войны в Карелии полностью встраивалась в общесоюзный нарратив, что находило отражение и в устанавливаемых памятниках, и в коммеморативных практиках, и в особенностях описания военных событий в публичном дискурсе, то уже в постсоветское время становится важным не только детальное описание военной истории, но и демонстрация особого вклада жителей Карелии в победу над врагом.

Рассказывая о войне в Карелии: анализ нарративов

Выстраивание единого повествования о событиях Великой Отечественной войны на территории Карелии сталкивается с рядом сложностей, главной среди которых, безусловно, является наличие другого противника. Как уже было отмечено, республиканские власти стараются не акцентировать внимание на участии Финляндии в военных действиях, обращаясь к более широкой формулировке – «фашистские захватчики». Тем не менее, особый опыт Карелии в войне осмысляется в публичном пространстве другими акторами политики памяти. В рамках анализа процесса формирования мемориального пространства в Карелии мы выделили несколько групп мнемонических акторов: ветеранские и поисковые организации, государственные, школьные музеи и архивы, Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей и историки-исследователи, краеведы. Анализ нарративов проводился по предложенной О. Малиновой схеме: основная идея или стержень повествования, сюжетная линия, элементы-события, вокруг которых выстраивается история, основные действующие лица, а также уроки события (Малинова и Миллер, 2021: 26).

В целом, сюжетная линия всех исследуемых нарративов похожа. Война на территории Карелии предстает через четыре ключевых события: оборона Петрозаводска 1941 г. и эвакуация мирного населения, оккупация большей части территории республики в 1941–1944 гг., Карельский фронт и деятельность партизан и подпольщиков, освобождение Петрозаводска и Карелии в 1944 г. Все акторы уделяют внимание особенностям войны в Карелии: «У нас было все по-другому, начиная от природно-климатического, ландшафтного, геополитического факторов, у нас был другой враг – финны... у нас была немного другая война» (информант 1, музейное сообщество). При этом часть информантов вписывает события Великой Отечественной войны в Карелии в более широкий исторический контекст, включающий Советско-Финляндскую войну 1939–1940 гг.²: «События Второй мировой войны – это события, в частности и Зимней войны... война началась раньше» (информант 5, архивист).

В то же время структура повествования у разных акторов не одинакова. Мы выделили два основных нарратива, представленных в публичном пространстве республики. Один из них выстраивается вокруг наличия особого противника – финнов; а другой рассматривает события на Карельском фронте как часть борьбы Советского Союза с фашистской Германией и ее союзниками. Носителями первого нарратива являются преимущественно представители организаций, чья деятельность связана с сохранением и поддержанием региональной истории: представители музейного сообщества, архивисты, историки. К этой же группе относятся члены организации малолетних узников. В свою очередь, второй нарратив транслируется акторами, вовлеченными в реализацию государственной политики памяти о войне: поисковики, представители ветеранских организаций и государственных структур по сохранению культурно-исторического наследия.

¹ Прохоров, И. (2020) 'Музей Карельского фронта', Информационное агентство «Республика», 20 окт. URL: <http://tk.karelia.ru/special-projects/vystavka-pobedy/muzej-karelskogo-fronta/> (дата обращения: 03.11.2021).

² Примечательно, что в финской историографии война 1941–1944 гг. называется «войной-продолжением», направленной на восстановление «утраченных территорий» (см., например, Kinnunen & Kivimäki, 2012).

Центральным элементом первого нарратива является память об оккупации. Информанты отмечают уникальность оккупационного режима в Карелии, базирующегося на разделении населения по национальному признаку: *«Этнический фактор, нигде его не было, нигде у немцев не было этнической опоры, а здесь она была»* (информант 1, музейное сообщество), *«финны пытались реализовать на этой территории идею Великой Финляндии»* (информант 2, историк). При этом и сама память об оккупации не является однородной. С одной стороны, подчеркивается принципиальная разница между финскими и немецкими концлагерями: *«Это были не лагеря смерти, печек не дымило»* (информант 1, музейное сообщество), а с другой – указывается и на жестокость финского оккупационного режима, приведшего к жертвам среди мирного населения: *«Геноцид был тоже на оккупированной территории Карелии... в том, что люди были собраны в концлагерях... не было достаточно продовольствия, плохие условия... тяжелая работа, принудительный труд»* (информант 2, историк).

Тема оккупации является важным элементом режима памяти в Карелии, поскольку позволяет проследить историю памяти (Langenbacher, 2003). Как уже отмечалось, на протяжении долгого времени память об оккупации находилась за рамками публичной коммеморации. Только в позднесоветское время бывшие узники концлагерей смогли заявить о своем опыте страдания, о несправедливом отношении к ним со стороны государства: *«Мы, например, в обиде, узники, на наше правительство. Даже не каждый год вспомнят, что были... все-таки три года войны. И когда просим цветы, а нам не дают – тоже укол в сердце»* (информант 6, бывший узник). Как было отмечено в одном из интервью, *«мы перестали ее (тему оккупации - авт.) стесняться. Если мы раньше говорили в основном о концентрационных лагерях, созданных немецкими оккупационными войсками, то мы стали вспоминать, что были и другие лагеря, в том числе и на территории Петрозаводска»* (информант 8, член комиссии по культурно-историческому наследию); *«мы, конечно, узники финских концлагерей, были всегда заложниками большой политики... хороших отношений с Финляндией в настоящее время, и желанием замолчать период оккупации по настоянию финской стороны»* (информант 6, бывший узник). Тем самым память об оккупации встраивается в общий нарратив о жертвах концлагерей, а война воспринимается как трагедия, которую нельзя забывать.

Второй нарратив, напротив, фокусирует внимание на военных действиях на территории Карелии, которые внесли значительный вклад в ход всей войны и которые незаслуженно, по мнению информантов, обходятся вниманием. Как было отмечено в интервью, надо говорить о победах, а не о поражениях, *«больше героизма нужно рассказывать... больше пафоса»* (информант 4, поисковик). Среди таких событий в последнее время на первый план выходит оборона Петрозаводска 1941 г., которая теперь интерпретируется не как «трагическое отступление», а как «героическая оборона»: *«это такая забытая страница истории, причем трагическая и героическая... солдаты, которые обороняли Петрозаводск, пусть и не отмечены какими-то победами, военными успехами, но тем не менее они сыграли свою роль очень важную в Великой Отечественной войне»* (информант 3, поисковик). При этом военные действия под Петрозаводском осенью 1941 г. рассматриваются как часть обороны Ленинграда, не позволившие сомкнуть второе кольцо блокады: *«Если бы нас хлопнули здесь, то войска бы сняли, и они бы пошли на Питер. То есть мы еще опосредованно приняли участие в обороне Ленинграда»* (информант 4, поисковик).

Подобные оценки созвучны концепции открывшегося в 2020 г. Музея Карельского фронта. И авторы музейной экспозиции, и наши информанты подчеркивают уникальность Карельского фронта. Известно, что он был самым продолжительным и самым стабильным на протяжении почти всей войны. Эти особенности, с одной стороны, позволили обеспечить функционирование железной дороги, по которой шли поставки в центральные районы страны полученных по ленд-лизу вооружения, техники и продовольствия, а с другой стороны, – определили особый характер военных действий. Вместо масштабных боевых столкновений в Карелии шла позиционная война, в которой активное участие принимали партизаны и *«самые такие забытые, забытая категория – подпольщики»* (информант 9, музейное сообщество): *«Весь период войны Карелия находилась в состоянии позиционной войны... у нас как пришел противник, как он укрепился, так мы и жили в этом состоянии, постоянно в состоянии войны. Не было... просвета»* (информант 10, чиновник, ответственный за охрану памятников); *«активное партизанское движение, вот эта дальняя разведка, разведгруппы, которые ходили по территории Финляндии... тоже наша специфика определенная»* (информант 5, архивист).

Примечательно, что освобождению Петрозаводска и Карелии в целом уделяется не так много внимания. Во многом это может быть связано с тем, что Свирско-Петрозаводская операция уже в советское время вписывалась в общесоюзный героический нарратив, и поэтому сейчас не требует дополнительных усилий по обоснованию ее значимости для Победы. Другими словами, в этом нарративе

ве история войны в Карелии рассматривается как неотъемлемая часть «большой войны». Информанты неоднократно подчеркивали значимость упоминаемых событий не только для Карелии, но для всего Советского Союза: «Некоторые считают, что Карельский фронт не настолько важен. Хотя... это не так... все-таки значение Октябрьской железной дороги было неоценимым» (информант 3, поисковик). Одновременно с этим значимость событий на территории Карелии подкрепляется отсылкой к названиям, за которыми закреплена героическая слава: «Я ... в свое время назвал высоту 168,5 Брестской крепостью карельской. И с моей легкой руки это пошло» (информант 4, поисковик). Такая интерпретация событий войны позволяет избегать указания на принадлежность врага. Почти все информанты используют либо слово «противник», либо принятую на официальном уровне формулировку «фашисты». Лишь в одном из интервью был использован термин «финцы», позволяющий учитывать и финнов, и немцев, которые воевали на севере Карелии.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало существование фрагментированного режима памяти о Великой Отечественной войне в Карелии. С одной стороны, существует доминирующий нарратив, транслируемый региональными властями и поддерживаемый негосударственными акторами политики памяти. При этом региональная власть в данном случае выступает скорее как «мнемонический плюралист», признающий наличие разных интерпретаций исторических событий, и готовый «вести переговоры с оппонентами ... в рамках соглашения об основных принципах мнемонической политики». В то же время негосударственные акторы (ветеранские организации, поисковики) берут на себя роль «мнемонических борцов», настаивающих на признании своего видения прошлого как единственно верного. В рамках этого нарратива события в Карелии рассматриваются не просто как бои местного значения в «большой войне», но как значимая часть общего вклада в достижение великой Победы. Это закрепляется и в стратегиях коммеморации через расширения пространства памяти за счет «вспоминания» все новых имен и героев военного времени: происходит увековечивание подвигов и/или трагедии отдельных людей и групп, «несправедливо забытых» официальной риторикой (подпольщики, узники, «отступленцы»).

С другой стороны, одновременно существует и иной нарратив, выстраиваемый вокруг темы оккупации. Носители этого нарратива также представлены двумя типами акторов: «мнемонические борцы» (бывшие узники) и «мнемонические плюралисты» (представители музейного, архивного и научного сообществ). Все эти акторы обладают значительно меньшими ресурсами для поддержания темы финских концлагерей в публичном пространстве региона, в связи с чем она уходит на второй план. При этом актуализация данного нарратива зачастую обуславливается действиями федерального центра, инициирующего общероссийские проекты о войне.

Такая комбинация мнемонических акторов позволила, с одной стороны, встроить карельскую военную историю в общероссийский нарратив, сделав акцент на общепринятых трактовках событий: подвиге красноармейцев, отдавших жизнь за родину, мужестве тех, кто остался в тылу и/или перенес оккупацию. Опыт Карелии осмысливается через реинтерпретацию известных событий, в том числе через обращение к традиционным символам славы и героизма, таким, как Брестская крепость. Однако, с другой стороны, она же позволила все так же избегать упоминания другого врага, заменяя его на универсальных фашистов или противников.

Список литературы / References

- Веригин, С. Г. (2020) 'Без срока давности: преступления финских оккупантов и их пособников против мирного населения Карелии' в: Усачева, Е. В. (ред.) *Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Карелия: Сборник документов*. Москва: Фонд «Связь Эпох»: Издательство «Кучково поле», сс. 19–55. [Verigin, S. G. (2020) 'Without a statute of limitations: the crimes of the Finnish invaders and their accomplices against the civilian population of Karelia' [Bez sroka давности: prestupleniya finskikh okkupantov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya Karelii] in: Usacheva, Ye. V. (ed.) *Without a statute of limitations: the crimes of the Nazis and their accomplices against civilians in the*

- occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Republic of Karelia: Collected documents* [Bez sroka давности: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoy territorii RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. Respublika Kareliya: Sbornik dokumentov]. Moscow: Publishing house «Kuchkovo pole», pp. 19–55. (In Russ.).
- Габович, М. (ред.) (2020) *Памятник и праздник: этнография Дня Победы*. Санкт-Петербург: Нестор-История. [Gabovich, M. (ed) (2020) *Monument and Holiday: Ethnography of Victory Day* [Pamyatnik i prazdnik: etnografiya Dnya Pobedy]. St. Peterburg: Nestor-History. (In Russ.).]
- Гельман, В., Попова, Е. (2003) 'Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России' в: Гельман, В., Хопф, Т. (ред.) *Центр и региональные идентичности в России*. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Летний сад, сс. 187–254. [Gel'man, V., Popova, Ye. (2003) 'Regional political elite and the strategy of regional identity in modern Russia [Regionalnyye politicheskiye elity i strategii regionalnoy identichnosti v sovremennoy Rossii] in: Gel'man, V., Hopf, T. (eds.) *The Center and Regional Identities in Russia* [Tsentr i regionalnyye identichnosti v Rossii]. St. Peterburg: European University in Sankt-Petersburg: Summer Garden, pp. 187–254. (In Russ.).]
- Голубев, А. В. (2010) 'Детская память о финской оккупации Карелии как пространство борьбы за историю' в: Рожков, А. Ю. (ред.) *Вторая мировая война в детских «рамках памяти»*. Краснодар: Экоинвест, сс. 93–102. [Golubev, A. V. (2010) 'Children's memory of the Finnish occupation of Karelia as a space for the struggle for history' [Detskaya pamyat' o finskoy okkupatsii Karelii kak prostranstvo bor'by za istoriyu] in: Rozhkov, A. Yu. (ed.) *World War II in the Children's "Memory Framework"* [Vtoraya mirovaya voyna v detskikh «ramkakh pamyati»]. Krasnodar: Ekoinvest, pp. 93–102. (In Russ.).]
- Голубев, А. В., Осипов, А. Ю. (ред.) (2007) *Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников*. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск: Издательств о ПетрГУ. [Golubev, A. V., Osipov, A. Yu. (eds.) (2007) *Oral history in Karelia: collection of scientific articles and sources*. Issue 3. Finnish occupation of Karelia (1941–1944) [Ustnaya istoriya v Karelii: sbornik nauchnykh statey i istochnikov. Вып. 3. Finskaya okkupatsiya Karelii (1941–1944)]. Petrozavodsk: Publishing house of PetrSU. (In Russ.).]
- Малинова, О. Ю. (2018) 'Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов', *Полис. Политические исследования*, 1, сс. 9–25. [Malinova, O.Yu. 'The commemoration in Russia of the centenary of the 1917 revolution(s): analysis of strategies of the key mnemonic actors' [Kommemoratsiya stoletiya revolyutsii(y) 1917 goda v Rossii: analiz strategiy klyuchevykh mnemonicheskikh aktorov], *Polis. Political Studies*, 1, pp. 9–25, DOI: 10.17976/jpps/2018.01.02. (In Russ.).]
- Малинова, О. (2020) 'Режим памяти как инструмент анализа' в: Миллер, А. И., Ефременко, Д. В. (ред.) *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 26–39. [Malinova, O. (2020) 'Regime of memory as an analysis tool' [Rezhim pamyati kak instrument analiza] in: Miller, A. I., Yefremenko, D. V. (eds.) *The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives* [Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Yevropy. Aktory, instituty, narratives]. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, pp. 26–39. (In Russ.).]
- Малинова, О. Ю., Миллер, А. И. (2021) 'Введение. Символическая политика и политика памяти' в: Лапин, В. В., Миллер, А. И. (ред.) *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, сс. 7–37. [Malinova, O. Yu., Miller, A. I. (2021) 'Introduction. Symbolic politics and the politics of memory' [Vvedeniye.

- Simvolicheskaya politika i politika pamyati] in: Lapin, V. V., Miller A. I. (eds.) *Symbolic aspects of the politics of memory in modern Russia and Eastern Europe* [Simvolicheskiye aspekty politiki pamyati v sovremennoy Rossii i Vostochnoy Evrope]. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, pp. 7–37. (In Russ.).
- Миллер, А. (2013) ‘Экспертные сообщества в политике памяти’, *Полития*, 4 (71), сс. 114–126. [Miller, A. (2013) ‘Expert communities in the politics of memory’ [Ekspertnyye soobshchestva v politike pamyati], *Politeia*, 4(71), pp. 114–126, DOI: 10.30570/2078-5089-2013-71-4-114-126. (In Russ.)].
- Морозов, К. А. (1983) *Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)*. Петрозаводск: Карелия. [Morozov, K. A. (1983) *Karelia during the Great Patriotic War* [Karelia v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941-1945)]. Petrozavodsk: Karelia. (In Russ.)].
- Kinnunen, T. and Kivimäki, V. (eds.) (2012) *Finland in World War II. History, Memory, Interpretations*. Brill.
- Langenbacher, E. (2003) ‘Changing Memory Regimes in Contemporary Germany?’, *German Politics & Society*, 2(67), pp. 46–68, DOI:10.3167/104503003782353484.

Статья поступила в редакцию: 24.11.2021

Статья принята к печати: 15.01.2022

COMMEMORATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN KARELIA: SEARCHING FOR A PLACE IN THE «GREAT» HISTORY

E. Yu. Tsumarova, V. V. Volokhova

E. Yu. Tsumarova, PhD in Political Science, Associate Professor,
North-West Institute of Management RANEPА.

E-mail: tsumarova@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9960-4119. ResearcherID: N-4998-2018).

V. V. Volokhova, PhD in History, Associate Professor,
Petrozavodsk State University.

E-mail: vavolokhova@yandex.ru (ORCID: 0000-0001-5486-7740. ResearcherID: AAI-9392-2021).

Abstract

The article analyzes commemoration strategies of the Great Patriotic War in Karelia. Regional memory politics is considered as a “two-level game”: within the region, where different mnemonic actors interact with each other during the dominant narrative formation; and externally, where the regional narrative is correlated with federal practices and interpretations. The article analyzes the ways the unique experience of Karelia in battling with a different enemy – the Finns – is perceived in the republic’s public discourse. The empirical basis of the research is as follows: archive materials, republic media publications, and semi-structured interviews with main actors of Karelia’s memory politics. The study shows that there is a fragmented memory regime of war in Karelia. The dominant strategy of commemoration is to confirm the heroic discourse highlighting Karelia’s contribution to the Victory. The narrative is mainly shared by the veteran and search organizations supported by the regional authorities. The alternative strategy is focusing on the commemoration of the occupational regime imposed on Karelia. The main supporters of this narrative are former prisoners of Finnish concentration camps, the representatives of archives, museums, and the scientific community. However, limitations of symbolic and communicative resources don’t allow them to compete with the dominant strategy of commemoration.

Keywords: memory politics; commemoration; Karelia; Great Patriotic War; narratives.